
ПОКОЛЕНИЯ ВШЭ

УЧИТЕЛЯ ОБ УЧИТЕЛЯХ

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

П48

Над книгой работали:

Мария Юдкевич

Юлия Иванова

Любовь Борусяк

Владимир Селиверстов

П48 Поколения ВШЭ. Учителя об учителях [Текст] / М. М. Юдкевич, Ю. В. Иванова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 304 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-7598-1077-3 (в пер.).

В книге собраны интервью с ведущими профессорами Высшей школы экономики, рассказывающими о различных этапах своего академического пути и о своих учителях и наставниках. Книга создает коллективный портрет академической среды второй половины XX века.

Издание рассчитано на абитуриентов, студентов, выпускников университетов, всех интересующихся историей и судьбами фундаментальной науки и образования в России.

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

ISBN 978-5-7598-1077-3

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ

УЧИТЕЛЯ

Я учился на экономическом факультете Харьковского университета и после его окончания в 1958 году работал в градостроительной проектной организации. Это был филиал киевского института «Гипроград», который занимался составлением генеральных планов городов (я, в частности, много работал по генеральному плану Харькова) и так называемой районной планировкой. Одним из отцов-основателей этого направления в Советском Союзе был Даниил Ильич Богорада, который когда-то жил в Харькове, имевшем до 1934 года статус столицы Украины. Тогда он работал с Юрием Коцюбинским, сыном знаменитого украинского писателя Михайлы Коцюбинского, председателем украинского Госплана, расстрелянным в 1937 году. Когда столицу переводили в Киев, он предложил Богораду переехать с ним. Даниил Ильич тогда отказался, и, как он сам мне говорил, это спасло ему жизнь. Впрочем, он тоже подвергся аресту, но попал под краткую волну освобождений, а после войны и эвакуации вернулся уже в Киев.

Районная планировка – это особая область проектирования, работать в этой области Даниил Ильич начал еще до войны, в частности, он руководил разработкой

гигантского проекта районной планировки Донбасса. Когда я с ним познакомился, это был уже известный мэтр, доктор географических наук. Он заведовал огромным отделом районной планировки в киевском «Гипрограде» и практически руководил всеми работами по районной планировке на Украине – в то время это было связано с хрущевской «семилеткой». Я оказался в гуще этой работы – наш Харьковский филиал «Гипрограда» отвечал за районную планировку Харьковского экономического района, охватывавшего Харьковскую, Полтавскую и Сумскую области. Тогда я много ездил по этим областям, хотя бывал и в других. Помню, заехал как-то в древнейший, но ставший захолустным город Овруч (мы там что-то проектировали), зашел по делам в местный горкомхоз, и во дворе этого горкомхоза мне показали могилу Вещего Олега, того самого, который собирался «отмстить неразумным хазарам».

Занимаясь районной планировкой, которая велась под руководством Богорада по единой программе во всей Украине, я познакомился со многими участниками этого проекта из многих городов (это была большая комплексная программа, в составе нашей группы работали

самые разные специалисты), но прежде всего, конечно, с самим Даниилом Ильичом и его ближайшим сотрудником – главным экономистом «Гипрограда» Ароном Самойловичем Израилевичем. Наши контакты продолжались несколько лет. «Гипроград» был проектным институтом, но в Киеве был еще и научно-исследовательский институт градостроительства, и где-то в начале 1960-х годов Богорад стал заведовать отделом в этом институте (я не помню, ушел ли он из «Гипрограда» или совмещал обе должности). Он и предложил мне поступить к нему в аспирантуру.

Моя кандидатская диссертация называлась «Экономические проблемы развития городских агломераций (на примере Харьковской агломерации)». Я был одним из первых исследователей в СССР, которые занимались агломерациями – тогда это была совсем новая тема. И вот тут я впервые встретился с демографией, причем сразу в практической плоскости.

Во время обучения в аспирантуре я продолжал участвовать в составлении генерального плана Харькова, занимаясь разработкой так называемой демографической гипотезы – на двадцать пять лет вперед. Когда я соприкоснулся с этой задачей вплотную, я почувствовал, что методы, которыми обычно пользовались для таких расчетов, меня не совсем устраивают. Эти методы были очень жестко привязаны к централизованному планированию и совершенно не учитывали неизбежных стихийных элементов развития. Я стал изучать прошлые демографические тенденции и именно тогда впервые заинтересовался собственно демографическими методами.

Одна из проблем заключалась в том, как учесть и отразить в прогнозе людей, которые хотя и работали на харьковских заводах и в харьковских учреждениях, но жили за пределами города, иногда очень далеко, и каждый день ездили на работу. Никто не знал, сколько таких людей. Нужно было это выяснить, и я придумал, как это сделать, хотя повторить мой опыт сегодня вряд ли кому-нибудь удастся.

Я поступил в аспирантуру в 1963 году – это была пора временных (но в действительности постоянных) экономических трудностей, которые дошли до того, что полки магазинов почти совсем опустели. Карточную систему не ввели, но все жители Харькова получали по месту жительства что-то вроде пайков – надо сказать, весьма небогатых. Из продажи исчез, например, белый хлеб, и когда я приезжал из Киева домой, где у меня за год до поступления в аспирантуру родилась дочь, то привозил несколько белых батонов – Киев все-таки был столицей. И так, харьковчане получали свои пайки по месту жительства, а их товарищи, работавшие в Харькове, но жившие за его пределами, – нет. В воздухе запахло социальной несправедливостью, к которой всегда было так чувствительно партийное начальство, и было решено, что рабочие и служащие – нехарьковчане тоже должны получать свои пайки, но по месту работы. Для этого всем предприятиям и учреждениям, где работали маятниковые мигранты, было предписано составить поименные списки таковых и сдать их в райисполкомы. И я предложил городскому начальству, надзирающему за составлением генплана города, собрать и обработать эти списки, а оно дало указание всем райисполкомам предоставить их нам.

Никаких компьютеров тогда не было, были бумажные списки. Для того чтобы их обработать, была выделена группа студентов Института инженеров железнодорожного транспорта, которым это зачлось как летняя практика. Они сидели и обрабатывали эти списки, устанавливали населенные пункты, откуда приезжали люди. Я их проверял, контролировал, и в результате получился ценнейший материал. Оказалось, что в Харьков ежедневно приезжало на работу 125 тысяч человек, в этих списках была представлена вся география Харьковской области, а кое-кто ездил и из Белгородской. Так я стал одним из первых в СССР исследователей маятниковой миграции. Такого материала, думаю, никто не имел. Он, конечно, вошел в мою диссертацию и в мои публикации по маятниковой миграции. Это был совершенно новый материал. Благодаря этим публикациям я получил даже некоторую известность, главным образом среди географов, за пределами Харькова и Украины.

Я продолжал работать над демографической гипотезой Генплана Харькова, получал необходимые данные в Областном статистическом управлении, и там жизнь свела меня с одним удивительным человеком, который тоже сыграл немалую роль в моем интересе к демографии. Я случайно познакомился с ним, придя в отдел статистики населения Облстата, где он работал в скромной должности старшего экономиста. Человек этот, совершенно нетипичный по облику, никак не вписывался в окружение очень советских чиновниц: немолодой, в костюме, жилетке, галстукe, он скромно сидел за одним из столов.

В Харькове есть здание, которое называется «Госпром», – знаменитый памятник конструктивизма, построенный еще в начале 30-х годов. Это огромное многоподъездное здание – целая гора на одной из центральных площадей. Наш институт находился в этом самом «Госпроме», и Облстатуправление – тоже, хотя и в разных подъездах. Неудивительно, что по утрам, по дороге на работу, мы с моим новым знакомцем нередко оказывались в одном трамвае, и постепенно наше знакомство закрепились. Со временем выяснилось, что этот человек, которого звали Михаил Вениаминович Курман, был в свое время в Москве начальником отдела учета естественного движения населения в ЦУНХУ. Его арестовали после переписи 1937 года, объявленной вредительской, и лишь недавно он вернулся после 18-летней отсидки в ГУЛАГе и приехал в Харьков, где жили его жена и дочь, родившаяся незадолго до его ареста. Он мне рассказывал – и его рассказ впоследствии, когда стали доступны архивы, подтвердился, – что после переписи 1937 года у него затребовали объяснений, почему насчитали так мало населения; он написал соответствующую докладную записку, которую Сталин переадресовал членам Политбюро примерно с такой надписью: «По-моему, это мог написать только враг народа. Ваше мнение?» Спустя много лет Всеволод Васильевич Цаплин, тогда директор Центрального государственного архива народного хозяйства, обнаружил и опубликовал эту докладную записку. На нее и сейчас нередко ссылаются – она стала документом истории переписи 1937 года.

Мы сдружились с Михаилом Вениаминовичем, и спустя некоторое время он стал приходить ко мне по выходным и надиктовывать на мой «Гинтарас» – были такие магнитофоны – свои лагерные воспоминания. Мы держали это в секрете, бобины с записью пролежали без движения четверть века, и только в конце 80-х я расшифровал эту запись и опубликовал ее – сначала у нас, но здесь не обошлось без цензуры, а затем во Франции, уже без всяких купюр.

Курман был по образованию математиком, но, придя в ЦУНХУ, стал демографом. Несмотря на потерянные восемнадцать лет, он не собирался складывать оружие: в то время, когда мы познакомились, он писал книгу о населении Харькова. Узнав, что я занимаюсь маятниковой миграцией, он предложил мне вместе с ним написать в эту книгу главу, что и было сделано. Книга потом была издана, она называется «Население большого социального города». В каком-то смысле она уникальна – я не знаю подобной книги по другим советским городам. Впоследствии Михаил Вениаминович защитил по ней кандидатскую диссертацию (кстати, когда-то у него уже была написана диссертация, но ее изъяли при аресте).

Узнав о том, что я занимаюсь демографической гипотезой для Харькова, он и сам включился в ее разработку, благодаря чему я узнал от него массу профессиональных вещей, о которых до того не имел никакого представления. По сути, только тогда я понял, что демография – это серьезная и весьма полезная наука с развитым и далеко не простым методологическим аппаратом. Чтобы закончить эту историю, скажу, что наш прогноз оказался очень точным. Прошло больше четверти века, Михаила Вениаминовича уже не было в живых, я давно работал в Москве, и получилось так, что я оказался в группе экспертов Госплана СССР, которая рассматривала новый Генеральный план Харькова – ведь двадцать пять лет, на которые он был рассчитан, уже истекли. Во время доклада харьковских проектировщиков выяснилось, что фактическая численность населения города

совпала с прогнозной, и это вызвало большое удивление присутствовавших – такого никогда не бывало. Проектировщикам стали задавать вопросы, и они указали пальцем на меня.

По совпадению, каких немало бывает в жизни, одновременно открылась еще одна тропа, которая тоже вела меня к демографии.

У меня было два сокурсника, Валентина Стешенко и Владимир Пискунов, с которыми мы были дружны еще с институтских времен. Они поступили в Киеве в аспирантуру Института экономики Украинской Академии наук и стали заниматься демографией под руководством Михаила Васильевича Птухи. Это был известный демограф, в молодости он учился за границей, был учеником Владислава (Ладислава) Борткевича, русско-немецко-польского демографа с мировым именем. В 1918 году, во времена независимости Украины, там была создана Академия наук. Ее президентом стал В.И. Вернадский, а отделением экономики заведовал М.И. Туган-Барановский. Он и способствовал (возможно, по инициативе Птухи) созданию в Киеве Института демографии – едва ли не первого в мире. Это был не очень большой институт – там работало всего несколько человек, и ближайшим сотрудником Птухи был Юрий Авксентьевич Корчак-Чепурковский. Институт просуществовал до 1939 года, когда его ликвидировали¹. Птуха был арестован, но когда вместо Ежова пришел Берия, настал короткий период послаблений, часть людей выпустили, и Птуха (как, возможно, и Богорад, о котором я упоминал) попал в их число. Корчак тоже был арестован, но, в отличие от Птухи, его не выпустили, он, как и Курман, отсидел восемнадцать лет и потом вернулся в Киев.

Птуха стал научным руководителем моих сокурсников, но, к сожалению, в 1961 году он умер, и им пришлось искать нового руководителя. В конце концов им стал Б.Ц. Урланис. В то же время они дружили и тесно сотрудничали с талантливейшим Корчаком-Чепурковским и многое получили от него. Они были очень увлечены демографией, и это тоже как-то повлияло на мои тогдашние интересы.

Некоторое время спустя мою сокурсницу Валентину Сергеевну Стешенко назначили заведующей отделом демографии в Институте экономики АН УССР. И она мне предложила перейти к ним на работу на должность младшего научного сотрудника.

Я к этому времени уже окончил аспирантуру, написал диссертацию, но тут случилась беда: умер на операционном столе мой руководитель Даниил Ильич Богорад. Он был человек уважаемый и в Киеве, и в Москве, за ним я чувствовал себя как за каменной стеной, а теперь все изменилось. Предстояла защита, а мне было непонятно, где защищаться, как искать оппонентов и т.д. Без Богорада отдел, которым он заведовал, ничего собой не представлял. Чтобы понять, каков был настоящий уровень его сотрудников, расскажу такой анекдотический случай. Когда у меня была предзащита (еще при жизни Богорада), его заместитель, кандидат наук, которому не нравилось само слово «агломерация», стал меня упрекать: «Зачем вы так злоупотребляете иностранными словами? Повсюду у вас “центробежный”, “центростремительный” и так далее... Разве нельзя сказать по-простому, по-русски?» Такой вот был уровень. Найти место для защиты в Киеве с моей темой было трудно. Я представлял, как меня спросят: «Агломерации – это что, это по-какому?»

¹ В 2002 г. в Киеве был создан Институт демографии и социальных исследований НАН Украины, а в 2009 г. ему было присвоено имя М.В. Птухи.

Я вернулся в Харьков. Там мне предложили довольно высокий для моего возраста пост – я стал главным экономистом большого проектного института «Горстройпроект», получал высокую по тем временам зарплату. Однако мне хотелось продолжать занятия наукой. Но сначала надо было защититься. Я познакомился – снова по случайному стечению обстоятельств – с Олегом Пчелинцевым и Майей Стронгиной, работавшими в Институте экономики АН СССР в Москве, в отделе размещения производительных сил (кажется, так он назывался), показал им свою диссертацию, и они решили, что я должен защищаться у них, убедили в этом свое начальство, уговорили Михаила Яковлевича Сонины выступить первым оппонентом. Диссертацию приняли к защите. Тогда я и получил предложение Стешенко перейти к ним в отдел демографии. Я вдвое терял в зарплате, но все-таки согласился. Уж больно заманчивые были условия – заниматься тем, чем тебе хочется, да еще и не ходить ежедневно на работу. Я продолжал жить в Харькове, иногда только наезжал в Киев, чтобы отчитаться о сделанном.

Я защитил кандидатскую диссертацию, но условия работы были такими, что я решил не терять времени и начать писать докторскую – она должна была быть посвящена экономической демографии. Я и в самом деле начал ее писать и написал одну главу, которая потом была даже опубликована, в том числе и за рубежом. Но дальше этого дело не пошло. Мое положение было слишком хорошим, чтобы продолжаться долго. Подвижки произошли где-то очень далеко от меня – отправили в отставку первого секретаря ЦК партии Украины Шелеста. А он покровительствовал директору института, где я работал, и, чувствуя такое покровительство, тот мог позволить себе принять на работу человека, который жил в другом городе. А когда покровительство исчезло – видимо, уже не мог. Дистанционная работа тогда не приветствовалась. Помню, мне кто-то из моих приятелей говорил:

– Я знаю только два таких случая: Игорь Семенович Кон, который живет в Ленинграде и работает в Москве, и ты – живешь в Харькове и работаешь в Киеве.

Короче, в какой-то момент меня уволили.

Но к этому времени я уже знал многих своих московских коллег. В 1966 году в Киеве прошла большая демографическая конференция, первая в СССР за многие годы. Туда приехали все: Б.Ц. Урланис, А.Я. Боярский, П.Г. Подьячих, Д.И. Валентей, приехал отдел Волкова в полном составе. Об Андрее Гавриловиче Волкове я уже слышал от Курмана, а тогда в Киеве познакомился с Андреем Гавриловичем и всеми его коллегами: Л.Е. Дарским, А.Я. Квашой, Р.И. Сифман, В.А. Беловой, Г.А. Бондарской. Потом, приезжая в Москву, я всегда заходил к ним в отдел демографии НИИ ЦСУ СССР. В общем, мы заприятельствовали. И когда я остался без работы, Волков, который руководил этим отделом, предложил мне попытаться поступить к ним по конкурсу. И одновременно такое же предложение поступило от В.Л. Глазычева, который работал в Институте теории и истории архитектуры, – я ведь тогда был больше известен как урбанист, а не как демограф. Я подал документы в оба эти института и, как ни странно, в оба прошел, и теперь мне нужно было между ними выбирать. Поколебавшись, я выбрал демографию, которую посчитал более строгой наукой, – урбанизм, градостроительство не казались мне таковыми.

Оставалось только переехать в столицу, а это было не так-то просто. Поступление по конкурсу давало мне право обменять квартиру и переехать в Москву, но я год искал этот обмен, потому что кто же поедет из Москвы в Харьков. Кончилось тем, что я обменял квартиру, но не на Москву, а на Московскую область, на город Солнечногорск. Так в 1971 году я сам стал маятниковым мигрантом, зато начал работать в НИИ ЦСУ СССР – в самом сердце демографии.

В Москве были и другие демографические центры – прежде всего центр народонаселения Д.И. Валентей в МГУ. Но я и тогда был убежден, и сейчас так думаю, что сердце нашей демографии билось именно в отделе Волкова. В этом заслуга прежде всего самого Андрея Гавриловича – он, безусловно, был очень яркой фигурой.

Потом у меня с ним отношения складывались по-разному, но это все было преходящее, а переоценить его подлинные заслуги в развитии нашей демографической науки трудно: в этом отделе действительно была настоящая научная атмосфера.

Конечно, имело значение и то, что директором института был А.Я. Боярский, а он все-таки был настоящий демограф, автор первого учебника по демографии. Другое дело, что он был идеологически немножко свихнувшийся демограф – а как тут не свихнуться, если всех твоих друзей пересажали, да и по тебе прошлись такой критикой, что едва ноги унес?! В 30-е годы пользовался известностью учебник «Теория математической статистики», написанный четверьмя авторами – А.Я. Боярским, В.Н. Старовским, В.И. Хотимским и Б.С. Ястремским. Хотимского впоследствии расстреляли, а Старовского сделали начальником ЦУНХУ, позднее он стал начальником ЦСУ СССР, пережил в этой должности не только Сталина, но и Хрущева и руководил этим ведомством почти до самой смерти в 1975 году, став чуть ли не самым большим долгожителем среди членов советского правительства.

В 1972 году отмечали 50-летие СССР, и Старовский решил откликнуться на это событие юбилейным выпуском статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР», приведя в нем данные не только по союзным республикам, как это делалось обычно, но и по всем автономным образованиям. Он собрал группу сотрудников ЦСУ, среди которых был и я, и объяснил нам, что мы командируемся в эти самые автономии – для того, чтобы на месте собрать недостающие статистические материалы. Мне достался Ханты-Мансийский национальный округ, я побывал тогда в Тюмени, Тобольске и Ханты-Мансийске (до их теперешней славы тогда было далеко), собрал все, что мог, и через несколько месяцев получил юбилейный сборник, сопровождавшийся письмом Старовского: «Посылаю Вам, как одному из участников подготовки юбилейного ежегодника...»

Косвенно Старовский также содействовал созданию отдела демографии, где я работал. Он был не просто соавтором Боярского по «Теории математической статистики», их связывали приятельские отношения, в свое время они какое-то время воспитывались в одном детском доме. Неудивительно поэтому, что, когда создавался НИИ ЦСУ СССР, Старовский предложил Боярскому стать его директором. А Боярский, в свою очередь, сделал безошибочный выбор, предложив возглавить создаваемый отдел демографии А.Г. Волкову, которого он знал еще студентом, а затем аспирантом МЭСИ.

Сам Боярский был человек противоречивый. При очень большой одаренности у него были дремучие, якобы марксистские, взгляды, и он иногда их очень агрессивно отстаивал. Но, надо отдать ему должное, он не использовал при этом административных инструментов. Когда я стал заниматься теорией демографического перехода, мы с ним сильно разошлись во взглядах: он пытался меня переубедить, но никакого административного давления (все же директор института) на меня не оказывал.

Отдел демографии пользовался особым покровительством Боярского: ему, видимо, казалось, что он и сам еще вернется в демографию. Он очень доверял Волкову, не вмешивался в наши дела, и в отделе сложилась нечастая по тем временам свободная творческая обстановка, мы не были зашорены, нас всех объединяло критическое отношение ко всякой официальной идеологии. Небольшой штрих: как-то – кажется, в конце 70-х – институт проверяла высокая комиссия, и она с ужасом обнаружила, что в отделе демографии нет ни одного члена партии. Для отдела социально-экономической направленности это был настоящий скандал!

Нас попытались укрепить партийными кадрами, и в отдел пришел новый сотрудник, в прошлом партийный работник. На первом же заседании, где обсуждался вопрос о том, почему в СССР повышается смертность, в то время как везде она снижается, он выступил и сказал, что это неправильная постановка вопроса, нельзя говорить,

что у нас смертность выше, чем в капиталистических странах. Но это было первое и последнее его выступление в таком духе. После заседания Андрей Гаврилович отвел его в уголок, они долго там беседовали. Самое удивительное, что эта беседа дала результаты, он что-то понял. Впоследствии оказалось, что он вообще не так глуп, многое понимал, но только считал, что говорить следует не то, что ты думаешь, а то, что «положено» говорить. На партийных собраниях он по-прежнему так и делал, но в общении с нами был совсем другим. Я с ним даже интриговал, мы часто ходили вместе обедать, и он мне рассказывал много такого, о чем прочесть тогда нигде нельзя было. Например, он рассказывал, что, когда убили Кирова, его привезли хоронить в Москву, и от Ленинградского вокзала до Красной площади шла похоронная процессия, в которой шагали Сталин и все члены Политбюро. И в каждом окне на всех этажах по ходу их следования по Мясницкой, которая потом стала называться улицей Кирова, стоял надежный человек, который обеспечивал безопасность процессии, и одним из этих надежных людей как раз и был мой собеседник, тогда кремлевский курсант.

Может быть, нам повезло, но укрепление отдела партийными кадрами ничего в нашей жизни не изменило.

При этом бытовые условия работы, надо сказать, были ужасными: одна-единственная комната, в которой мы были как сельди в бочке – кажется, восемнадцать человек, и при этом обязательно надо было ходить на работу каждый день. Если опаздывал хоть на одну минуту, тебя регистрировали, а ведь я ездил из загорода электричкой. Помню забавный случай. Я в то время часто печатался в газетах, меня приглашали выступать в разные учреждения, и вот однажды зазвонил телефон (он был один на всю нашу бочку сельдей) и милый женский голос спросил: это приемная профессора Мишневского? Шуток хватило на неделю.

Но творческая атмосфера, постоянное общение с интересными, неординарными людьми, живой общий интерес к тому, что мы делали, отсутствие мелочных

дряг – все это перевешивало. Среда в нашем отделе была очень живая: туда слетались интересные люди со всего Советского Союза. Были постоянные контакты с другими республиками: с Прибалтикой, Средней Азией, Грузией, Арменией. Тогда проводилось довольно много всяких конференций, и все были между собой знакомы. Мы были молодыми и неутомимыми, могли подолгу спорить друг с другом, доказывая свое. Неподалеку от ЦСУ, на Садовом кольце, в магазине «Военная книга» было «Кафе книголюбов». Мы иногда выкарабкивались из нашего перенаселенного логова, шли туда и долго там спорили о всяких научных проблемах. Там вырабатывалось общее понимание многих профессиональных вопросов, мы все учились друг у друга.

Говоря о том времени, не могу не вспомнить знакомство с чехословацким демографом Зденеком Павликом: он, как и я, занимался проблемами демографической революции, мы оказались единомышленниками, это нас очень сблизило, и мы сохранили добрые отношения на всю жизнь, а она получилась длинной – не так давно я ездил в Прагу на его 80-летие. Познакомился я и с мэтром польской демографии, академиком польской Академии наук Эдвардом Россетом, ему уже тогда было за 80. И нельзя не сказать, что я получил от них серьезную моральную поддержку, в которой я тогда нуждался. Советский демографический истеблишмент относился к тому, чем я занимался в то время (теория демографического перехода), весьма неодобрительно, Боярский был далеко не единственным, кто видел в этом что-то немарксистское и вообще сомнительное. А вот от Зденека Павлика, очень скоро после того, как появились мои первые статьи на эту тему, я получил письмо, где он писал (на хорошем, но все же не безупречном русском языке): «Я перечитал еще один раз Ваши две статьи из “Вопросов философии”, и я могу только повторить, что я Вам уже сказал. По всему, что я читал в вашей демографии раньше, это как новая эра» (1974). И конечно, мне было приятно вскоре после выхода моей книги «Воспроизводство населения и общество» (1982) получить поздравление Россета, в котором говорилось, думаю,

даже с перебором: «Это замечательная работа, она является свидетельством идейного патроната, присущего Вашей научной деятельности. Нашей науке – демографии – указываете новые задачи, новые направления развития».

Еще один мой коллега, которого я не могу не вспомнить, – живший в ГДР иранский политэмигрант Парвиз Калатбари. Если я не ошибаюсь, он был родным братом шахского министра иностранных дел Аббаса Калатбари, казненного после исламской революции, но сам он стоял на противоположных политических позициях, был коммунистом, членом партии ТУДЭ, которая преследовалась при шахе, и вынужден был покинуть Иран, чуть ли не бежал из тюрьмы. В качестве желанного политэмигранта он жил в Восточном Берлине и заведовал кафедрой демографии в университете имени Гумбольдта. Впервые я услышал о нем от Зденека, который охарактеризовал его так: он хоть и коммунист, но open mind. Калатбари опубликовал на немецком языке мою статью из «Вопросов философии» (а затем ее перепечатали и в Западной Германии), упорно приглашал меня на проводившиеся им международные демографические семинары. Я был невыездным, но в конце концов он добился своего – я впервые выехал за границу именно на его семинар. Не знаю уж, какая у меня была там репутация, но помню мистический ужас на лице молодого немецкого коллеги, с которым меня знакомили в кулуарах семинара. «My goodness! – воскликнул он. – Я думал, что вы давно уже умерли!»

В Москве в те годы очень большую роль играла демографическая секция Дома ученых. Ее создал и долго ею руководил Борис Цезаревич Урланис. Это было важно, потому что раньше у демографов почти не было никаких площадок для встреч и обсуждений, а демографическая секция Дома ученых стала именно такой площадкой. И главное, Урланис как-то очень хорошо умел ее вести. Не берусь судить, оценили ли это современники, но его манера была такой, какую потом никому не удалось повторить. Я не знаю, за счет чего это делалось, но он умел

создать удивительно свободную, дружелюбную атмосферу. Тогда мы не пропускали ни одного заседания этой секции. И очень много лет именно там мы все с удовольствием встречались.

В НИИ ЦСУ я проработал с 1971 по 1984 год, написал там свою докторскую диссертацию – правда, не на ту тему, на которую когда-то нацеливался. Сама защита была в Институте системных исследований. Моими оппонентами выступили Татьяна Ивановна Заславская, Станислав Сергеевич Шаталин и Александр Яковлевич Кваша. С Сашей Квашей я был давно и хорошо знаком, а двух первых знал раньше, скорее, шапочно. Подготовка к защите, участие в обсуждениях, не всегда простых, упрочили наши контакты, которые тоже дали мне немало. Поддержка этих людей при защите диссертации много значила для меня.

В 1984 году я перешел в Институт социологии, но там не прижился. Затем какое-то время работал в Совете по изучению производительных сил Академии наук, который тогда возглавлял Абель Гезевич Аганбегян, приехавший из Новосибирска. Мы с Аганбегяном обсуждали идею создания (или воссоздания?) института демографии в Академии наук, ведь когда-то такой институт существовал в Ленинграде, но был закрыт еще раньше, чем киевский институт Птухи. Идея казалась вполне здоровой и реализуемой, тем более что тогда Аганбегян был советником Горбачева. Он этим занялся и в какой-то момент сказал мне, что вопрос решен и что есть высокое согласие на создание института демографии Академии наук. Директором туда Аганбегян собирался пригласить Заславскую. Но события развивались несколько иначе. Неожиданно на очень высоком уровне – ЦК и Совмина – было принято решение о каких-то мерах по улучшению всего, и в частности науки. Вместо института демографии было решено создать Институт социально-экономических проблем народонаселения с большим отделом демографии – человек на семьдесят, – а меня пригласили руководить этим отделом. Всем сотрудникам отдела демографии Института социологии

Специально предложили перейти в этот новый отдел, но на строго добровольной основе: кто не хотел, мог остаться в Институте социологии. Почти все перешли. Это случилось в 1988 году, тогда образовалось ядро нашего коллектива, с которым мы работаем до сих пор. Стало быть, в 2013 году исполняется двадцать пять лет с тех пор, как мы работаем вместе, – четверть века. Но семидесяти человек, о которых говорили тогда Аганбегян и Владимир Николаевич Кудрявцев (вице-президент Академии наук, который специально приехал, чтобы встретиться с сотрудниками нового отдела), конечно, не было тогда, нет и сейчас. Все понимали, что мы сильно отстали от мировой демографии, и мне запомнилось, как Кудрявцев спросил: сколько понадобится времени, чтобы догнать? Сергей Захаров, сегодня – маститый ученый, а тогда – мой молодой аспирант, сказал: лет 10–12. По мнению Кудрявцева, это было многовато, надо бы побыстрее. С тех пор прошло уже более двух названных Сергеем сроков, а догнали ли?

Накануне наступления 2013 года я получил поздравление от одного из своих нынешних студентов, который написал, что желает мне «и в следующем году оставаться таким же активным и здоровым дедушкой. Очень благодарен Вам за пример человека, который идет по эскалатору вниз, а не занимает правую сторону». Так он еще не знает, что я и вверх по эскалатору, как правило, иду. Но от возраста все равно не убежать. Мой трудовой стаж приближается к пятидесяти пяти годам, примерно пятьдесят из них отданы демографии. И это были довольно интересные для меня пятьдесят лет.